

Я немного усовершенствовал свою книжную полку, встроив туда сейф, после того, как осознал свои чувства к Мэй. Там я мог хранить вещи для осуществления своего плана, когда это было нужно... Например, подарки для нее. Хотя в итоге я там хранил цепь, наручники и снотворное. Все для того, чтобы погрузить Мэй сон и запереть в этой комнате.

Я планировал все проверить во время летних каникул, но мои родители внезапно уехали в поездку на несколько дней, потому я решил ускориться.

Мы с Мэй вот-вот останемся вдвоем. Это чудесная возможность. Ничто не сможет нам помешать.

За эти три дня я, похитив ее силой, сломал бы ее и принудил бы любить меня. Я несколько волновался, но уже ведь доказано, что можно легко создать фальшивую любовь, нужно всего лишь немного довести человека до предела. Возможно, это перейдет в разряд симптома, а не просто долгосрочного эффекта, но выбирать мне не приходилось.

Я задавался вопросом, будет ли эта воссозданная Мэй той, которую я полюбил, но это все же было лучше, чем потерять ее насовсем. В этот раз... прямо как тогда, когда ее сбил грузовик, предпочту сломать ее и довольствоваться руинами, чем позволить исчезнуть, оставив после себя невосполнимую пустоту.

Хоть я все и решил для себя подобным образом, однако мое сердце никак не могло успокоиться. Я должен был твердой рукой собрать воедино все кусочки мозаики, но то и дело меня поглощала какая-то некомфортная неуверенность. Чтобы подавить ее, я находился рядом с Мэй. Хотя каждый раз, когда я ее видел, на сердце становилось все более и более тревожно. Каждый раз мне хотелось обнять ее. Хотел, чтобы она приняла мои чувства. Я стал настолько алчным, что мог думать лишь о своем желании быть рядом с ней.

Теща себя сладкой надеждой, я в то же время видел сны о том, как я ее убиваю, даже за два дня до отъезда родителей в поездку. В этих снах Мэй, скованная цепью, отказала мне, потому я сжимал руки вокруг ее шеи. Ее горящие глаза после этого затуманивались, а активно сопротивляющиеся руки безжизненно повисали вдоль тела. Я закалывал испуганную Мэй ножом, нанося в живот рану, из которой кровь текла рекой, окрашивая пол в ярко-ярко красный, который был краснее, чем губы у Мэй.

Утром же я просыпался с дрожащими руками. В сердце оставалось лишь сожаление и мольба. Я не хотел ее убивать.

В былые времена я активно задавался вопросами о жизни и смерти. И раньше мне было все равно, умрет Мэй или нет. Но теперь все было иначе. И раз мне могло не достаться ее сердце, я чувствовал, что вполне способен убить ее тело. Хотя я не хотел убивать ее. Не хотел, но если все пойдет так же, как и идет, я определенно убью ее... Потому что это желание еще не исчезло.